

**МРАКОБЕСИЕ
И ДЕСТРУКТИВНАЯ
РЕЛИГИОЗНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ: «ВЕРЮ,
ИБО АБСУРДНО»**

Вера – понятие емкое и фундаментальное. Без него нет ни научного познания, ни философского постижения ценности и смысла человеческого бытия. «Бруно верил, Галилей знал», – писал Карл Ясперс, афористично иллюстрируя факт нерелигиозной веры и убежденности в существование бесконечных миров. Он называл такую убежденность философской верой.

Вера как личностное отношение к имеющемуся знанию – именно такая вера нужна сегодня человеку, а не слепая вера, освященная догматами церкви, закамуфлированная под несусветный бред и мракобесие. «Я верю в философию», – говорила первая женщина-учёный Гипатия, чем вызывала насмешки хранителей религиозной веры, которые, в конце концов, привели к жестокому убийству смелой женщины. Вера Гипатии в истину, ценность и смысл необходима и сегодня. Трудно не согласиться с Кристофером Хитченсом, который заканчивает одну из своих книг простой и очевидной констатацией: «Нам нужна новая эпоха **Просвещения**. **Просвещения, опирающегося** на знание, заметно продвинувшееся за последние 20-30 лет в области естественных наук – физики, астрономии, теории эволюции, микробиологии. Просвещения как способности мыслить самостоятельно, без ориентации на догмы и авторитеты, как его понимали прогрессивные мыслители XVIII века.

Пора признать, что современная картина мира уже давно находится в полном противоречии с религиозным **обскурантизмом**. Пора признать, что смешно и недостойно после открытий сланцев Бёрджеса, находок «недостающих звеньев» ворде Тиктаалика, доказательств отсутствия корреляции между молитвой и исцелением, исследований коры головного мозга, равно как и всех современных представлений об отдаленных уголках нашей Вселенной, сложных белках и аминокислотах, продолжать верить в «божественный замысел», «апокалипсис» и «спасение». С религиозной точки зрения, чудо – это знамение веры, но все чудеса религии формировались в те времена, когда не было и не могло быть объяснения элементарных природных явлений, таких как свет, темнота или затмение. Греки называли силы природы богами, у них не было другого выхода, они не знали истинных причин **происходящего**. В дальнейшем хри-

стианство персонифицировало египетскую астрологию, создав собственную религиозную мифологию. И все эти мифы и суеверия будут перенесены в XXI век? Мир человеческий и природный таит ещё немало загадок, нас ещё ждёт множество открытий, сюрпризов и чудес в научной сфере и в мирном диалоге культур. Во всём этом религиозная вера участвовать не будет, ей нет здесь места. Как говорил Лаплас, отвечая на вопрос о Божественном участии в его исчислениях, что в этой гипотезе не будет необходимости. И уже сегодня вполне очевидно, что, «выбирая догму и веру вместо сомнения и эксперимента, вы отказываетесь от здоровой трапезы, чтобы жадно сунуть в рот ядовитую жвачку для мозгов» [1, с. 350].

Сегодня стало модным говорить о религиозной этике и считать, что нравственность иначе как в религиозных рамках существовать не может. Законы и заповеди – критерий и ориентир в жизни человека. И мало кто ясно и четко ставит вопрос о светской этике, об очевидном и человеческом критерии добра и зла, не нуждающемся в религиозных директивах и санкциях. Вопрос лишь в том, что принять нравственное поведение как свободную имманентно присущую личности мотивацию сложнее, чем следовать заповедям под **страхом наказания или согласно традиции**. Нравственный закон, как подчёркивал Кант, **внутри нас, а не дается свыше**. Экстериоризировав нравственность, человек перенёс вовне свой внутренний голос, оформил его божественной милостью и закрепил верой. Как правильно заметил известный философ Мераб Мамардашвили, что никогда человек не назвал бы никого Богом, если бы в нем уже не действовала бы сила, которую он вне себя назвал «Богом». Именно эта сила и её изучение открывает путь к знанию и несёт конец вере. История духовного опыта, закреплённого в качестве религиозной монополии, на самом деле является историей сознания, его феноменологией. Все проповеди и откровения реальных и полубогородных святых являются опытом их сознания. Религиозные песнопения, молитва, пост, медитация, сенсорная депривация, транс, экстатические состояния – все эти духовные практики, менявшие и меняющие сознание, вполне правдивы и реальны. Но в их трансцендентном объяснении сегодня нет никакой необходимости. Духовная жизнь – это неоспоримый факт. Она причудлива, но не чудесна, достоверна, но не абсолютна и «бритва Оккама» отрезает от неё все лишние умножающие сущности.

Мысль К.Маркса о том, что религия – опиум для народа, сохраняет и будет сохранять свою актуальность до тех пор, пока религия будет оставаться, по словам того же Маркса, «сердцем бессердечного мира», выполняя основополагающую для неё иллюзорно-компенсаторную функцию. Как убедительно доказал американский психолог У. Джеймс, религиозное чувство неспецифично. А это значит, что оно представляет собой по сути «отчуждённую» любовь к другому человеку, компенсацию отсутствия любви в реальной жизни. Потребность в утешении, желание справедливости и счастья, не говоря уже об обещании постмортального существования – главные козыри религиозной веры, которые будут сохраняться до тех пор, пока человек лишен права на человеческое, достойное существование в мире.

Что можно сказать о современной религиозной ситуации в Казахстане? По мнению многих ученых, в странах европейско-христианской цивилизации нарастает религиозный кризис, в то время как в Казахстане происходит «религиозное возрождение», причём как «традиционных» религий (христианства, ислама, буддизма и иудаизма), так и нетрадиционных религиозных движений, синкретических и оккультных учений.

За последние 20 лет по официальной статистике количество религиозных объединений в Казахстане увеличилось в 7-8 раз. В отношении религии наша власть более либеральна, чем, например, в **Узбекистане, стремится обеспечить оптимальный баланс между разными конфессиями**. При этом необходимо помнить, что у нас светское государство и свобода совести гарантирована Конституцией.

Вообще, светскость у нас сильно подорвана и девальвирована по части серьезности подхода и понимания ее смысла. Светский формат у нас – просто развлечение, а на вопросы мировоззренческие, смысложизненные зачастую отвечает только религия.

С другой стороны, настораживает воинствующая религиозность (по аналогии с тем, что когда-то называли воинствующим атеизмом). Тут происходит путаница в терминологии. Кто-то берет на себя ответственность и занимает агрессивную позицию. Мы наблюдаем примеры деструктивного поведения, проявления религиозного экстремизма.

Почему чья-то жесткая и часто фейковая линия находит сторонников? Да потому что в обществе, где процветает беспринципность,

несправедливость, коррупция, человек альтернативно примыкает к тому, у кого есть «принципы», закамуфлированные под объективность, последовательность и основательность. Если, как говорил доктор Хаус, «все врут», я буду с теми, кто «за правду».

Кроме того, религиозность дает прямой ответ на проблему идентичности. Примечательно, что множество конференций на различных уровнях в последние годы посвящены вопросу о казахстанской идентичности. Создается впечатление, что люди перестали понимать, кем они являются. И начинаются поиски гражданской, религиозной, языковой и других идентичностей.

Сложно не заметить, как возрос статус религии за последнее время. В чем же причина? С одной стороны, общее снижение образовательного уровня населения, часто обыденные, обывательские представления о чем бы то ни было превалируют, и на это невежество хорошо ложатся религиозные идеи. Именно поэтому нам нужен новый век Просвещения, о чем мы уже говорили.

Высокий уровень образования напрямую связан с весьма скромным отношением к религии как части культуры, когда нет такого оголтелого увлечения ею. Человек ищет для себя ответы на какие-то важные мировоззренческие вопросы. Не находя их в жизни, в хаосе, в духе, он находит их в религии. И на этом кто-то делает большие деньги.

Вторая причина, как уже отмечалось, – поиск идентичности, национально-религиозных оснований интегративности, целостности.

Кроме того, религия способствует адаптации индивида к быстро меняющемуся миру, также это своего рода альтернатива либеральным ценностям, справедливое желание следовать традиционной этике, а не «падению нравов». Есть еще и такая тенденция, как мода (модно верить, слыть истинно верующим).

Что касается сложившейся у нас тенденции «мечети вместо школ и больниц», то стоит привести пример сегодняшней ситуации в Румынии. Там 20 тысяч (!) церквей, и при этом – меньше 5 тысяч школ и всего 500 больниц. Наверное, в такой бедной стране это кому-то выгодно.

Если же говорить о «новой религиозности», то здесь нужно сослаться на исследование российского исследователя Ю.В. Ушаковой. Говоря о причинах «новой религиозности», она выделила три фактора мотивации выбора того или иного религиозного сообщества.

Первый фактор – религиозное невежество. «Оказавшись в идеологическом вакууме, люди интуитивно ищут фундаментального основания жизни, которое не зависело бы от сиюминутных политических и идеологических установок. И здесь срабатывает правило: доверяют тому, кто предлагает простой и легкий путь обрести привычную уверенность в «светлом будущем». С психологической точки зрения легко объяснить, почему наибольшим успехом пользуются «Свидетели Иеговы»..., адвентисты седьмого дня» и другие, особенно у людей среднего поколения (от 35 до 50 лет).

Вторым фактором является незнание как истории своего народа и культуры, так и традиционных духовно-нравственных ценностей. «Если семейное воспитание компенсирует ущербность школьного образования и в самой семье складывается неблагоприятный климат, существует большая вероятность того, что молодые люди найдут «духовное братство» в одном из деструктивных культов. «Церковь объединения» Муна, «Бостонское движение» – преимущественно молодежные организации, особенно привлекательные для «трудных подростков».

И третий фактор, который выделяет Ю.В. Ушакова, – «бегство от свободы». Когда человек не способен решить все свои проблемы, он начинает искать «харизматического лидера», который решит все его проблемы и регламентирует всю его жизнь, вплоть до того, как ему жить и о чем думать [2].

Религия сегодня – один из ведущих аспектов культуры. О возрождении религии говорят с экранов телевизоров, пишут в СМИ. Обильное появление религиозной литературы наблюдается в книжных магазинах. Резко увеличивается численность прихожан. Обсуждение основ религии происходит молодежной среде. Однако в основном этот интерес носит внешний характер, не выходящий за рамки посещений культовых зданий, совершения молитвы и намаза, ношения традиционных атрибутов религии (хиджабы, кресты). По словам исследователей, сегодня больше внимания уделяется ритуалам, внешней стороне религии: как правильно молиться, какую одежду носить и прочее.

В нашей стране, да и за рубежом сегодня очень много людей религиозных, но не так много людей верующих. По существу, современная религиозность, в том числе и в Казахстане, выражает потребность в культурной ритуальности, упорядоченности, принадлежности и идентичности. Особенно эта потребность

актуализируется в обществе со слабыми социальными и гражданскими институтами, низким уровнем личностной идентификации. «Современных фарисеев» становится все больше и больше.

Как пишет болгарский богослов П. Стефанова-Георгиева, большая часть христиан XXI века на самом деле являются постхристианами. Их связь с историческим наследием Церкви весьма слаба или даже не существует вовсе. Они не принимают целого ряда догм веры, которые, по их мнению, противоречат науке, и не придерживаются рекомендуемого Церковью образа жизни, поскольку считают его устаревшим. Их мировоззрение и поведение зависят не от духовника или прихода, а от совершенно иного влияния – семьи, соседей, коллег, друзей, принадлежности к определенному классу. Поэтому главной характеристикой современного западного христианства следует назвать дихотомию между религиозной верой и религиозной принадлежностью. Показательно, что второй доминантой в развитии христианства стало то, что Грейс Дейви называет «vicarious religion» («заместительная религия»). Это вера, исповедуемая активным меньшинством, которое имеет негласное одобрение и материальную поддержку пассивного большинства. В Северной Европе огромная часть людей являются членами церкви и платят налоги для обеспечения ее существования, но при этом не верят в христианские догмы и не принимают участия в богослужении» [3, Р.5-23].

В данном контексте необходимо, на наш взгляд, кратко рассмотреть вопрос о так называемых ложных формах религиозности.

Мировой духовный, мировоззренческий кризис порождает множество ложных форм деятельности и мышления. Перемены, происходящие в обществе невозможно понять с помощью разума, ценности культуры сдают свои позиции перед устрашающим натиском инстинктов: страха, безумия, насилия и т.п. Человек, испытывая «экзистенциальный вакуум», реагирует на окружающую его тревожную реальность различными способами. В данном контексте особую роль приобретает религия. Когда-то она с помощью духовных практик учила людей управлять своим внутренним миром, избавляться от многочисленных пороков, способствовала развитию нравственных качеств человека. Теперь же во многом приобретает деструктивные черты. Это касается, прежде всего, многообразных ложных форм религиозности. Именно

они способствуют «духовному вырождению», «расстройству умственного быта», опустошению и нивелированию личности, фанатизму.

Выделяют два основных типа ложной религиозности: первый тип связан с участием в деятельности деструктивных религиозных направлений; второй – с возникновением внутри традиционной религиозности психологических и духовных проблем, обусловленных неправильным религиозным развитием.

Остановимся на первом. Указанный тип ложной религиозности – проблема и весьма актуальная. Сегодня наблюдается активизация многочисленных уже известных религиозных организаций (Белое братство, Аум Сенрике, секта Виссарииона, свидетели Иеговы и др.), несущих опасность для личности. Слабость традиционных конфессий приводит к тому, что некоторые образцы духовности, претендующие на роль «утешителей», ведущих к «индивидуальному спасению», и под именем «истинной религии», становятся более близки и понятны современному человеку.

Новые религиозные движения – так называется все многообразие появившихся сект, культов, направлений. Их распространенность и влияние объясняется разнообразными функциями, которые они выполняют: а) компенсаторная, изолируя человека от мира, НРД играют роль суррогата духовных потребностей; б) мировоззренческая функция – формирование нового социального, нравственного, гносеологического идеала, определяющего сознание, поведение новообращенного, лишение его самостоятельного восприятия объективной реальности, биполярное видение мира; в) регулирующая – постоянный жесткий контроль за всеми сторонами жизни своих последователей; г) интегрирующая – способствует сохранению системы межличностных отношений внутри общины; д) коммуникативная – способствует сплочению группы, вынужденная изоляция, неэффективность и неадекватность поведения вне общины [4, с. 482-484].

К сожалению, в научной литературе до сих пор нет единого мнения о том, какую организацию называть деструктивной или тоталитарной сектой.

Дворкин А. считает, что это «организация с жесткой структурой, имеющая обожествленного лидера, применяющая меры по контролю сознанию своих адептов и удерживанию их, жестко регламентирующая им практически все аспекты их жизни, использующая различные

методы для превращения новозавербованного человека в лояльного, послушного и раболепного члена» [5, с. 41].

Отличия религиозной организации, носящей деструктивный характер, можно указать по Кондратьеву Ф. [6].

Религии	Культы
Уважают автономию индивида	Подавляют самостоятельность, формируют зависимость
Стараются помочь индивидам удовлетворить свои духовные потребности	Эксплуатируют духовные потребности
Терпимо относятся к вопросам и независимому критическому мышлению	Нетерпимы к вопросам и пресекают независимое критическое мышление
Способствуют психической и духовной интеграции личности	Расщепляют сознание на хорошее культовое «Я» и плохое прошлое «Я»
Бережно относятся к личности	Лишают права на личностное самоопределение
Рассматривают деньги как средство, подчиненное этическим ограничениям	Рассматривают деньги как самоцель, как средство для эгоистических целей лидеров
Осуждают сексуальные связи между духовенством и верующими	Часто делают адептов жертвами сексуальных притязаний лидеров
Уважительно реагируют на внешнюю критику	Угрожают критикам физической или юридической расправой
Культивируют семью	Часто рассматривают семью как врага
Поощряют человека серьезно подумать, прежде чем дать обязательство о присоединении	Форсируют быстрое согласие, не обеспечивая достаточной информацией

Так же интересно и мнение Баркера А. об особенностях новых религиозных движений, к которым относятся и деструктивные секты: движение отрезает себя (географически или социально) от общества; обращенный становится все более зависимым от движения в определениях и оценке действительности; движение устанавливает жесткие, непреодолимые границы между «мы» и «они», «божественное» и «дьявольское», «добро» и «зло» и т.д.; важные решения, касающиеся жизни и судьбы обращенных, принимают за них другие; лидеры движения придают своим действиям и требованиям силу божественного авторитета; лидеры или движения в целом преследуют одну узкую цель и настойчиво продвигаются к ней [7, с. 166].

Российские религиоведы (Митрохин Л.Н., Кантеров И.Я., Трофимчук Н.А., Аринин Е.И.) выделяют следующие признаки «новых религий»: наличие гуру, «гуризм»; наличие организации («семья», «община», «братство», «церковь», «фонд», «союз», «ассоциация» и пр.; наличие техник поиска и контроля последователей; внутригрупповая культура; апокалиптический взгляд на мир».

Особо важное значение в привлечении людей к деятельности деструктивных культов и сект имеет проблема психологических предпосылок вхождения в такие организации со стороны личности. Как показали исследования, чаще всего человек, вступающий в неокультную организацию, находится в состоянии депрессии, невроза, **стресса, неуверенности в себе, в завтрашнем дне, крушении планов и надежд** и т.п. Черняева С.А. выделяет некоторые психические особенности потенциальных участников различных НРД (в том числе и потенциально деструктивных организаций): отсутствие устойчивого мировоззрения, твердых взглядов, понимания смысла собственной жизни; несамостоятельность; повышенная внушаемость; слабо развитые навыки критического анализа информации; жажда эмоционального принятия, принадлежности к группе; довольно часто отсутствие устойчивых **социальных связей, одиночество** [8, с. 111-112].

Внушаемость – степень восприимчивости к внушению. Любой человек в разной степени подчиняется/не подчиняется **внушению**. **Внушаемость** зависит от многих причин. Самые

«подающиеся», прежде всего, люди с заниженной самооценкой, робкие, **стеснительные**, эмоциональные, чересчур общительные или, наоборот, замкнутые. Впечатлительность, пониженный темп психической деятельности и слабость логического мышления так же способствуют повышенной внушаемости. У каждого человека существует определенный настрой, «ожидание чуда», мистическое сознание. Руководители разных культов рассчитывают именно на мистическую настроенность сознания, используют всевозможные средства и приемы для вовлечения людей в религиозные секты. В практической психологии существует множество способов воздействия, подавления сознания человека.

Общая схема вербовки будущего члена секты весьма проста и давно отработана:

Знакомство с религиозной литературой, которая обычно предлагается бесплатно на улице или кладется в почтовый ящик.

Приглашение в секту. Например, под видом прохождения каких-то курсов, лекций, собраний и пр. Особенно трудно отказать знакомым, нужно уметь говорить «нет».

Приход новичка в секту и его психологическая обработка, так называемая «бомбардировка любовью». Когда человек **поверит, что он особый**, не такой как все, а члены секты – его сестры и братья, начинается более тонкая обработка: постепенно человек отрекается от всего, что ему было дорого – от семьи, близких, других религиозных учений, кроме того, что исповедуется в секте. Это так называемое разморживание – отказ от прошлого, **признание** негативной всей своей жизни до прихода в организацию

Преобразование – отказ от критики, принятие без рассуждений той новой системы ценностей и убеждений, согласно которой человек должен теперь жить. Процесс «промывания мозгов», раскол личности, что позволяет манипулировать человеком, полностью поработывает его сознание и волю.

Вторичная заморозка – процесс тотальной индокринации, в результате которой происходит полное укоренение полученных доктрин и принципов поведения. Человек превращается в «зомби» [8].

Как же уберечь человека от вербовки в секту, от принятия ложных форм религиозности? Прежде всего, нужно разобраться в том, какие потребности личности являются для нее приоритетными и насколько они реализованы, т.е.

удается ли человеку, способен ли он добиваться удовлетворения своих потребности в жизни. Именно в неудачах и неумении удовлетворять свои потребности и коренятся причины недовольства жизнью, неверие в себя в свои силы, индивидуальной слабости воли, неумение противостоять влиянию и внушению, **податливость** человека, рыхлости, неустойчивости ценностных ориентаций. Участие в деятельности деструктивных **религиозных организаций** – особая форма «бегства от свободы», полностью блокирующая саморазвитие.

У человека есть огромный спектр потребностей, чем шире и разнообразнее потребности, тем более богата и развита личность.

Напомним общую классификацию потребностей.

Биогенные потребности (естественны и присущи каждому индивиду от рождения): потребность в безопасности и самосохранении, потребность эмоционального **контакта**, **ориентировочная**, потребность двигательной активности.

Психофизиологические: гедонистические, потребность в эмоциональном насыщении, потребность в свободе, потребность в восстановлении энергии.

Социогенные потребности личности – потребность в самоутверждении, в общении, в познании, в самовыражении

Высшие потребности: потребность быть личностью, нравственная и эстетическая потребность, потребность смысла жизни, потребность в подготовленности и потребность в преодолении, наконец, обобщающая высшая потребность – потребность в творческом труде.

Все эти потребности в большей или меньшей степени находят свое удовлетворение в любой деструктивной религиозной организации.

Безопасность и самосохранение гарантированы, человек чувствует себя защищенным в этом плене, эмоциональные контакты в наличии, потребность в двигательной активности – культовый, обрядовые действия и пр.

Психофизические потребности, на первый взгляд, тоже удовлетворены, но весьма односторонне, они строго регламентируются в секте. Например, потребность в эмоциональном насыщении и свободе ограничены, предписаны строго определенными установками и правилами.

Социогенные потребности личности при вступлении в секту нивелируются, сводятся только к одному – полному и беспрекословному подчинению лидеру группы и системе ценностей, которые в ней установлены. То же касается и

высших потребностей, они не реализуются в собственном смысле слова.

Во все времена человек стремится идти вперед, зачастую даже на бессознательном уровне **направлен к высоким идеалам, стыдясь** своей слабости и несовершенства. Как «экзистенциальная дихотомия», указанное противоречие мучает каждого, личность борется со своими желаниями и постоянно задумывается над реальными возможностями их осуществления, ищет выход из создавшейся ситуации и находит его, примкнув к какому-либо деструктивному религиозному направлению.

Человек для культов лишь инструмент для получения выгоды. Если кто-либо долгое время являлся членом какой-либо деструктивной группы, то выход из нее для него достаточно проблематичен. В отдельных группах существуют особые, четко разработанные системы, препятствующие возвращению «в мир», для других это необязательно, так как даже после выхода из культа человек не может вернуться к полноценной жизни. Типичными проблемами такой личности являются крайнее нарушение идентичности, депрессия, приступы отчаяния и тревоги, несамостоятельность и неспособность принимать решения и т.п.

Вступление в деструктивную религиозную группу для личности весьма опасно, во-первых, потому, что человек стремится к ложным целям и ценностям, обусловленным, прежде всего, его психологическими потребностями и переживаниями; во-вторых, потому, что он уходит от реального мира, отказывается от индивидуальной свободы, забывает о человеческом достоинстве, навсегда расстается с возможностью личностной самореализации. Такой индивид потерян и для семьи и для общества.

Опасность ложных форм религиозности приводит к осознанию необходимости рационального и критичного осмысления современного состояния религиозной политики государства.

Модное ныне слово «толерантность» сегодня зачастую оборачивается просто трусостью и капитуляцией перед **невежеством, мракобесием** и абсурдом, в котором, если вспомнить

Тертуллиана, заключена **суть веры, несовместимой с разумом**: «Верую, ибо это абсурдно».

Как можно толерантно относиться к бредням и рассказам, не выдерживающим никакой критики?! Как можно толерантно воспринимать церковный бред с экрана и молчаливо внимать астрологии, **которую ещё Пифагор опроверг** тремя словами?! Как можно толерантно относиться к кретинизму джихада и **радикальным христианским фанатикам**?! Как можно толерантно относиться к откровению президента Ирана Ахмадинежада, который рассказывает о зелёном свечении, охватившем его во время выступления на трибуне Генеральной ассамблеи ООН, в котором он увидел знак свыше в поддержку его желания сделать Иран, погрязший в коррупции, нищете, репрессиях, обойдённый модернизацией и продолжающий как и сто лет назад экспортировать фисташки и ковры, – сделать ядерной державой?! Как можно толерантно воспринимать **убеждение фанатика**, который рьяно верит, что если он убьёт несколько израильских подростков, ему будет уготована жизнь в раю вместе с 72 девственницами?!

Как справедливо писал Сэм Харрис, разница между таким фанатиком и чудиком, который верит, что жители Альфа-Центавры посылают ему лучи счастья, которые он принимает с помощью фена для сушки волос, лишь в том, что этого одиночку мы с лёгкостью посчитаем психически больным, а к первому отнесёмся более лояльно, поскольку его убеждение разделяет большинство [9].

Человек не может жить без веры. В Аллаха, Будду, Христа, Конфуция... Веры в себя, свои силы и возможности. Веры философской, научной, религиозной или обыденной.

Сложно предсказать будущее религии. Вопрос остается открытым: сможем ли мы прогнозировать дальнейшую судьбу традиционных и нетрадиционных религий, останутся ли они в XXI веке важной частью общечеловеческой духовной культуры или продолжат формировать жестко регламентированное и основанное на рабской покорности мировоззрение?

Литература

- 1 Хитченз К. Бог не любовь: Как религия всё отравляет. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
- 2 Ушакова Ю.В. Религиозная ситуация: начало XX канун XXI века // Исторический вестник. – М., 2000. – № 9-10.
- 3 Davie G. Religion in Modern Europe: A Memory Mutates. – Oxford, 2000.
- 4 История религии в России. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С.482-484.

- 5 Дворкин А. Сектоведение. Тоталитарные секты. – Новгород, 2000. – С.41.
- 6 Современные культовые новообразования («секты») как психолого-психиатрическая проблема. – Белгород, 1999.
- 7 Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С.166.
- 8 Черняева С.А. Развитие личности и психологическая помощь в свете христианского мировоззрения. – СПб.: Речь, 2007. С.111-112.
- 9 Харрис С. Конец веры. – М.: Эксмо, 2011.

References

- 1 Khitchenz K. Bog ne lyubov:kak religiya vse otravlyayet. – М., 2011.
- 2 Ushakova Yu. Religioznaya situatsiya: nachalo XX kanun XXI века // Istoricheskiy vestnik. – М., 2000. – № 9-10.
- 3 Davie G. Religion in Modern Europe: A Memory Mutates. – Oxford, 2000.
- 4 Istoriya religii v Rossii. – М.: Izd-vo RAGS, 2001. – S.482-484.
- 5 Dvorkin A. Sektovedenie. Totalitarnye secty. – Novogorod, 2000. – S.41.
- 6 Sovremennye kultovye obrazovaniya (sekty) kak psihologo-psikhiatricheskaya problema. – Belgorod, 1999.
- 7 Barker A. Noveye religioznye dvizheniya. – SPb.:Izd-v0 RKhGI, 1997. – S.166.
- 8 Chernyaeva S.A. Razvitie lichnosti i psihologicheskaya pomoshch v svete khristianskogo mirovozzreniya. – SPb.: Rech, 2007. S.111-112.
- 9 Kharris S. Konets very. – М.: Eksmo, 2011.